Глава 160, Премьер-министр замаскировался

И вот уже войска осенним днем

Построились в порядке боевом.*

---

* В этой главе звучат стихи Синь Цицзи (12 в.), поэта и воина, всю жизнь боровшегося за освобождение северного Китая от захватчиков.

Горы содрогнулись.

Крепость Даянь подпрыгнула на месте.

За первым взрывом последовал второй.

За вторым взрывом наступила тишина, потому что у всех заложило уши.

Все бегают, кричат и летают вверх ногами.

Затем последовал третий взрыв.

Над северными вершинами раздался громовой хохот, и в ответ затрубили все самки мамонта в окрестных лесах.

(Ли ЧжиФань, фейспалм:) - Чертов маразматик!

(Лиу ЧхэнФэн:) - ... (смеется, хлопнув друга по плечу)

Горный склон на северо-восточной стороне долины откололся и пополз вниз, погребая под собой стоявшие в боевом порядке войска и привязанных лошадей.

Пустив последние горящие стрелы в суйские запасы зажигательных ракет, арбалетчики генерала Хуана бежали, утаскивая своего командира, рвавшегося спуститься с гор и порубить всех на тефтели. Гранитное плато, простоявшее до прибытия генерала Хуана сто миллионов лет, трескалось и разваливалось у них под ногами.

Правый фланг суйской армии побежал наперерез отступавшим в панике солдатам Янь и смешался с ними, сшибаясь лбами и топча многострадальные арбалеты.

В восточной части долины образовался водоворот огня и мяса, который быстро расширялся, вбирая в себя незатронутые паникой армейские части. В воздухе со свистом летали куски камней, горящие обломки, людские и лошадиные головы, кишки и еще какое-то говно, которым начиняют ракеты и которое горит и прилипает к телу.

Левая осадная башня покачнулась и грохнулась на бок, раздавив сто человек.

(Генерал Чжан:) - Конница!!!

(Генерал Вэй:) - Лучники!!!

(Генерал Хуан:) - Ха-ха-ха! (безумный хохот)... Пустите меня, суки! Пустите, я им всем щас, @@@, покажу оккупацию!..

(Ли ЧжиФань, вскочив в седло:) - ЧхэнФэн...

Лиу ЧхэнФэн повернул к другу милое лицо и улыбнулся, как будто солнце наконец осветило долину.

- Ты же знаешь, - сказал он. - Я всегда с тобой. Живой или мертвый.

Один миг - и молодой премьер-министр уже сидит на своем белоснежном стремительном скакуне, бок о бок с царственным другом.

Тонкие ноздри Ли ЧжиФаня подрагивали, он с нетерпением смотрел на ворота и обличьем был как боевой леопард, который не может дождаться, чтобы выпрыгнуть из клетки.

В рядах вражеской пехоты, пытавшейся перегруппироваться в центре долины, послышались предупреждающие крики.

Северные ворота крепости Даянь раскрылись.

Лянские конные отряды в количестве десятков тысяч всадников выходили их них на неторопливой рыси, разгонялись и рассыпали строй, чтобы не быть легкой мишенью для лучников врага. Наращивая аллюр, они делились на два потока, огибавшие суйскую пехоту, чтобы ударить по ней с противоположных сторон.

- Насадили!.. Натянули!.. Пли! - слушалось со стен.

- Ааарх... - хрипели суйские солдаты, получив стрелу в глаз или в горло.

- Пли!.. Пли!.. Пли!..

У старого монаха в часовне свечка еще не догорела, а ситуация в поле уже изменилась на противоположную!

Спасибо тебе, добрый Амитабха!

И я тоже молодец! Как я вовремя помолился!

Теперь солдаты Суя стали мишенью для обстрела.

Лянские конники врезались в их бронированные ряды.

Впереди всех огромный императорский конь, как трехпалубный флагман, рассекал мускулистой грудью человеческое море, топча врагов и раскалывая им черепа.

С высокого утеса на юго-восточной стороне урочища за битвой наблюдал человек.

Человек хорошо умел играть в шахматы.

Генерал ШэньТху, опустившись на одно колено, сказал:

- Мой принц, они пошли в атаку, здесь становится небезопасно.

- Сейчас, - ответил юноша.

Его одежды полоскались на ветру, длинные волосы летели, словно знамя. Его серые стальные глаза внимательно и серьезно наблюдали, как лянское войско уничтожает солдат его страны.

- Ваше Высочество, там скоро не останется никого в живых, нам надо торопиться.

- Да. Безупречное выполнение долга часто наполняет сердце горечью, - равнодушно сказал тот, к кому обращались "Ваше Высочество". - Князь И ЦинЮнь - на пути в город Юэ, мы должны догнать его... (тихий вздох) Единственное утешение, что все идет, как он того желал.

Стоя над грязным и кровавым полем боя, юноша был подобен белому нефриту и своей чистотой напоминал небесное существо. Однако, у находившихся в его присутствии появлялось ощущение, что это не такое небесное существо, которое приносит удачу и выполняет желания, а такое, которое посылают, чтобы забрать с земли душу после смерти.

Он бросил последний взгляд в долину и быстрыми шагами пошел прочь, сопровождаемый генералами свиты.

- Генерал Лу, - сказал он и повернул прекрасное спокойное лицо к генералу. - Вы помните свои приказы. Вам тоже следует поторопиться.

Князь И ЦинЮнь правильно боялся правителя, который имеет путь, и народ готов вместе с ним умереть и готов вместе с ним жить.

В юные годы воин,

Отдыха в битвах не зная,

Властвовал над страной.*

Воины Великого Ляна обрели силу тигров и крылья соколов, потому что сам император Ли вел их в бой за счастье родной земли.

Во имя счастья и добра Ли ЧжиФань так въ@башил мечом по первому ряду суйцев, что сразу у двух солдат отлетели головы, а у третьего - половина руки.

Второй ряд получил во имя мира во всем мире - то, что от них осталось, невозможно было даже разложить на кучки, чтобы написать погребальные таблички.

Третий ряд, увидев, что на них несется главный гуманист и светоч буддизма Поднебесной, умерли сами от разрыва сердца.

Одним движением бедер он послал коня высоко в воздух, и послушный зверь взмыл над головами врагов.

Нагрудный доспех Сына Неба был покрыт темным золотом, два геральдических дракона переплетались у него на груди. Все прочее облачение императора было самым простым, черного цвета, но такая доминирующая аура, исходила от него, что люди склоняли головы и не смели взглянуть.

Могучие мышцы коня Ли ЧжиФаня и его всадника словно были продолжением друг друга - они вздымались, как горы, и натягивались, как канаты.

Конники Великого Ляна в едином порыве утроили натиск, громко славя* бога войны, сошедшего с небес, чтобы сражаться вместе с ними.

---

* А-а-а-а! @@ать всех! Нате, суки!

Там, куда приземлился жеребец императора, от врагов не осталось мокрого места.

Уродливое лицо генерала Лу на несколько секунд выдало его отчаяние.

(Генерал Лу, отрешенно:) - Полковник, организуйте отступление войск, преданных принцу.

(Полковник:) - Господин генерал, но как же...

(Генерал Лу, спокойный и твердый взгляд:) - ?

(Полковник:) - Как же вы?..

(Генерал Лу:) - Не волнуйтесь обо мне, полковник. Следуйте плану нашего повелителя. (говорит сам с собой) Простите меня, повелитель. Первый раз в жизни я не выполню ваш приказ... первый и последний... (громко) Действуйте!

(Полковник:) - Слушаюсь приказания!.. (тише) Генерал... (кланяется, почтительно сложив руки у груди) ...да хранит вас небо!

Изуродованное шрамом лицо генерала не изменило непроницаемого выражения. Он коротко кивнул подчиненному, отпуская его, и отвернулся.

- Лу Сяо! - сказал он. - Найди мне три тысячи верховых, готовых умереть за нашего повелителя.... Помни, все, что у нас есть и наши жизни тоже, принадлежат князю И ЦинЮню.

Он положил руку на плечо Лу Сяо.

Лу Сяо молча кивнул, глядя на генерала такими же, как у него, бесстрашными карими глазами.

Знамена закрыли солнце,

и враг надвигается тучей.

Летят отовсюду стрелы.

К победе воины рвутся.*

---

* Цюй Юань (4 в. до н.э.), из стихотворения "Смерть за родину"

Сотни тысяч людей, занявших обширную долину, все хотели убить друг друга.

Приказы и стратегии больше ничего не значили, воткнув меч или стрелу во врага, каждый искал себе новую жертву. Все, кто еще не умер, были одержимы инстинктом убивать. Люди и кони спотыкались о трупы, которых было больше, чем живых. Копыта лошадей разбрызгивали кровь, словно они топтались по мелководью.

Густой железистый запах крови заглушил все другие запахи. Он затопил пространство между горными стенами, наполнял легкие и туманил разум.

Основные силы тяжелой пехоты Суя, несмотря на численное превосходство, были зажаты в клещи конницей Великого Ляна и осыпаемы стрелами из крепости.

Они начали торопливо отступать к восточной стороне долины, к ущелью, стараясь поддерживать порядок и выйти из зоны поражения стрелков, теряя бойцов с каждым шагом и убивая солдат Янь, мешавшихся под ногами.

С трех сторон у них были озверевшие от резни всадники Ляна, сзади у них был хаос, вызванный бегством стотысячной армии Янь и взрывами ракет. Там падали скалы и метались бешеные лошади.

(Генерал Вэй:) - Пехота, товьсь!

В раскрытые северные ворота Даяня было видно, как строятся пешие фаланги, готовые принять участие в сражении. Они были подобны псам, готовым сорваться с цепи.

Это были северяне Даяня и Северо-запада, они ненавидели Суй.

В это время на востоке долины:

- Ха-ха-ха! Я вам, гады, сейчас покажу оккупацию!

Отступив к ущелью, пехота Суя попала под арбалеты генерала Хуна.

На счастье Суя, находившиеся в резерве конница и остатки пехоты восстановили порядок и с левого фланга ударили по конникам Ляна.

Натиск Ляна на этой стороне ослаб - суйские войска сосредоточили тут все свои оставшиеся силы.

- Лян, ко мне! - закричал Ли ЧжиФань, заставляя конницу оттянуться назад, чтобы перегруппироваться, не прерывая боя.

- Лян, вперед! - вдруг услышал он другой крик.

Пехота подоспела как нельзя вовремя - они с разбега налетели на суйцев, прикрываясь щитами от ударов вражеских всадников.

Генерал Вэй первым воткнул свой меч в живот врагу. Его обмотанная кровавой тряпкой голова служила хорошим ориентиром в гуще сражения.

- Ура-а-а! Нате, суки!

- Хрясь! Бам! Хрясь!

- И-го-го!

Под натиском объединенных лянских сил враги отступали, топча своих и умирая.

Ситуация для суйской армии казалась безнадежной, но тут случилось то, чего враги не ждали.

Из ущелья у них за спиной послышался конский топот и разбойничий свист. Тридцать тысяч всадников Ду Гу Сина и ЧжуГэ Мина, разгоряченные от убийств, вылетели на простор долины, ища бешеными глазами, кого бы еще зарезать. Жестокая битва превратилась в скотобойню.

Ситуация для Суя уже не казалась безнадежной.

Она была, а не казалась.

Конные, пешие, правые, левые, взрывы, стрелы, мечи, и копья - все перемешалось на поле.

Великий Лян сражался за своих любимых.

- За ЧхэнФэна!.. (хрясь!) За маму!.. (бадам!) За ЧхэнФэна!.. За маму!.. За дедушку Тху!.. За дядю Мао!..

Хрясь! Бум! Дадам! Бабам!

Груди вздымались от возбужденного дыхания, лица - разгоряченные и яростные, мечи в руках были, как живые молнии. Их кони, белый и вороной, высоко вздымая сильные колени, несли их сквозь кошмар и хаос сражения. Они были ангелами мщения, сошедшими с небес, и кого не убивал Лиу ЧхэнФэн, того убивал Ли ЧжиФань, а кого не убивал Ли ЧжиФань, того убивал Лиу ЧхэнФэн.

Глаза их встретились:

- Я с тобой.

- Я с тобой.

- Живой или мертвый.

- Ты же знаешь.

Генерал Лу наклонился в седле и обнял Лу Сяо.

- Прощай, сынок, - сказал он. - На том свете встретимся и выпьем - после того как убьем Ли ЧжиФаня.

конец главы

Почтенные читатели, если вам понравилась глава, поставьте, пожалуйста, лайк. Да хранит вас милостивый Амитабха.

Тысяча благодарностей благодетелям, поставившим лайки и звезды на титуле проекта.